

Политическая грань творчества Н.М. Карамзина

В 1778 году двенадцатилетний Николай Карамзин продолжил образование в пансионе профессора Московского университета Иоганна Матиаса Шадена. Программа обучения включала в себя основы всех дисциплин, входивших в гимназический курс. Шаден, уроженец Пресбурга, выпускник Тюбингенского университета, в 1756 году принял приглашение Московского университета занять должность ректора его гимназий. В программе лекций на 1757 год объявлялось, что в дворянской гимназии он прочитает курсы риторики, пиитики, мифологии, научит чтению классических писателей, даст представление о состоянии военном, политическом и «житии академическом», а также пройдет курс философии в кратком изложении. В последующем он также читал в университете курсы по нумизматике и геральдике, логике и метафизике, практической философии и этике, «науке образования нравственности и совести», народному праву, политике, или науке государственного правления, правилам частного благоразумия, или экономии, истории нравственных наук, естественного и государственного права. Впрочем, подобная широта интересов свидетельствовала не столько об эрудиции Шадена, сколько о недостатке кадров в университете и гимназии.

Особого внимания заслуживают и публичные речи Шадена – «О душе законов», «О монархиях, способных возбуждать и питать любовь к отечеству, и о том, что любовь сия есть главная душа законов в монархиях», «Похвальное слово о Екатерине Великой, первой из законодателей, премудро основавшей законодательство свое на Совестном Суде, ею учрежденном», «Спрашивается: вредна ли или полезна роскошь частным людям, городам, и паче монархиям, и ежели вредна, то до какой степени и как прекратить и ослабить вредное ее действие», «О воспитании благородного юношества, яко основании продолжительной народной славы в монархическом наипаче правлении», – поскольку в них представлена была вся политическая часть его учения, адаптированная к местным условиям.

С основанием университета политическое учение стало предметом особого попечения. До этого основы политической науки не изучали систематически, а касались сопутствующих тем эпизодически, от случая к случаю. В 1663 году Юрий Крижанич начал писать на «общеславянском языке» главный труд своей жизни – трактат «Разговоры о владательстве» («Политика»), но его работа в течение трех столетий оставалась в рукописи. Заслуживает упоминания, в контексте темы становление политического знания в России, «Диалек-

Ванчугов Василий Викторович, доктор философских наук, профессор кафедры истории русской философии философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, заместитель главного редактора портала «Русская idea».
E-mail: vanchugov@gmail.com

тика» Иоанна Дамаскина (частично переведенная уже в XI веке, полностью – не позднее XIII века), известная в многочисленных списках. Точнее, речь идет об «Источнике знания», содержащем «Философские главы», обычно называемые «Диалектикой», составленные главным образом на основании «Введения к Категориям Аристотеля» Порфирия и самих «Категорий» Аристотеля, где в главе «Шесть определений философии» дается разделение философии на два типа – теоретическую и практическую. Теоретическая философия разделяется на богословие, математику и физиологию, а практическая – на этику, экономику и политику. Практическая философия упорядочивает нравы и учит, как следует устраивать свою жизнь, при этом, если она воспитывает одного только человека, то называется этикой, если семью, то называется экономикой, а если такую общность, как город, то называется политикой [2].

Но при основании первого российского университета политика попадает в разряд наук не философских, а юридических. Согласно «Проекту об учреждении Московского Университета» от 12 января 1755 года именно на юридическом факультете, наряду с профессорами «всей юриспруденции» и «юриспруденции российской», утверждался и «профессор политики», который должен был «показывать взаимные поведения, союзы и поступки государств и государей между собою, как были в прошедшие века и как состоят в нынешнее время». Но сразу стоит отметить, что в реальности вместо указанных трех профессоров преподавание юридических наук в университете с 1756 по 1764 год вел лишь один – приглашенный из Австрии Ф.Г. Дильтей, при этом именно политика оставалась вне его забот. Да и в последующем она была вне поля зрения профессуры, и только Шаден проявлял к ней особый интерес.

В 1781/1782 учебном году Карамзин посещал в качестве вольнослушателя лекции в Московском университете и не мог пропустить речь Шадена «О воспитании благородного юношества, яко основании продолжительной народной славы в монархическом наипаче правлении»¹, произнесенную 23 сентября 1781 года. Из всех форм общественного и политического устройства именно монархический способ правления, отмечает Шаден, наилучший, и государь здесь уподобляется Богу, поскольку благодаря безграничной власти способен одарить мудрыми законами всех своих подданных. А ближайшей опорой государя и сословием, наиболее способным к приобретению личной и народной славы, выступает дворянство, которому для верного исполнения своих обязанностей и духовного призвания необходимы глубокие знания, объемлющие человеческую натуру. И юному дворянину поможет поступать в соответствии с соображениями мудрости и нравственного долга, исполнять в точности законы и пользоваться славой благодарного отечества изучение такой науки, как философия. Для этого ему необходимо познать человеческую природу в ее основных отношениях: к миру физическому, к себе и к Богу. Первому содействует естественная история, физика, анатомия, математика; второму – право естественное, общегосударственное и международное, а также политика; третьему – богословие естественное и откровенное. Также наряду с науками и философией благородному юноше следует заниматься и искусствами: живописью, архитектурой, музыкой, особенно красноречием и поэзией, и изучать отечественный, греческий и римский языки.

Карамзин предпочел на первых порах заняться красноречием и поэзией. Осенью 1784 года его принимают в «Дружеское ученое общество», он начинает сотрудничать с журналом «Детское чтение», редактором которого был Н.И. Новиков. Карамзин переводит «Времена года» Томсона, «Деревенские вечера»

¹ В оригинале "Oratio solemnis de ingenuae juventutis educatione, gloriae nationum duraturae fundamento praecipuo et fulcro, in Monarchiis maxime".

Жанлис, «Юлия Цезаря» Шекспира, «Эмилию Галотти» Лессинга, в 1789 году публикует свою первую повесть «Евгений и Юлия».

В мае того же года Новиков арендует в Москве типографию университета и, заодно, местную газету, выходявшую с 1756 года, – «Московские ведомости. Газета политическая и литературная». Первым делом Новиков взялся за политический раздел. А в январе 1790 года в Москве появился и специализированный «Политический журнал», который печатался ежемесячно в университетской типографии. Он был точной копией одноименного немецкого журнала, издававшегося в Гамбурге, только редакторами были Павел Афанасьевич Сохацкий, Матвей Гаврилович Гаврилов и Василий Сергеевич Подшивалов, входившие в кружок Новикова. На титуле первого номера было обозначено полное название издания: «Политический журнал с показанием ученых и других вещей, издаваемых в Гамбурге обществом ученых мужей. Перевод с немецкого»¹, и начиналось оно «Историческим и политическим обозрением 1789 года».

Карамзин в этот период предпринял поездку в Европу, и в письме 1790 года, описывая могилу Ришелье, представляет кардинала «не с христианской, святой религией», а с «чудовищем, которое называется политикою», которое Вольтер описывает в «Генриаде»:

Дщерь гордости властолюбивой,
Обманов и коварства мать,
Все виды может принимать:
Казаться мирною, правдивой,
Покойною в опасный час;
Но сон вовеки не смыкает
Ея глубоко-впавших глаз;
Она трудится, вымышляет;
Печать у Истины берет
И взоры обольщает ею;
За Небо будто восстает,
Но адской злобою своею
Разит лишь собственных врагов.

Вскоре после возвращения Карамзин публикует в «Московском журнале» (1791, август) рецензию на «Опыт нынешнего естественного, гражданского и политического состояния Швейцарии, или Письма Вильгельма Кокса», перевод английского автора, напечатанный в университетской типографии. В 1792 году последовал арест Новикова, допросы ряда видных масонов, высылка некоторых из столицы в имения. Раздражение императрицы в немалой степени вызвало свидетельство настойчивых попыток масонов вовлечь в свою веру наследника престола Павла, где под видом религиозно-философского учения проводились политические принципы, чреватые потрясением основ всей системы монархического управления. И хотя Карамзин формально уже расстался с масонами, он все же оставался под подозрением.

В ноябре 1796 года он пишет «Оду на случай присяги московских жителей Его Императорскому Величеству Павлу Первому, Самодержцу Всероссийско-

¹ В 1794–1801 годах отсутствовал, а в 1802–1806 годах издание официально именовалось «Политический Журнал, или Современная история света», в 1807–1809 годах он стал «Политическим, Статистическим и Географическим журналом, или Современной историей света», с 1809 подзаголовок года переименован в «Исторический, статистический и географический журнал, или Современная история света» и с таким заглавием продолжал существовать до 1830 года включительно.

му», где среди прочего выражает оптимизм по поводу «сотрудничества» подданных с правителем:

«<...> Святая искренность, не бойся
К царю приблизиться теперь!
Он хочет счастья миллионов,
Полезных обществу законов;
К нему отверста мудрым дверь.
Кто Павлу истину покажет,
О тайном зле монарху скажет,
Подаст ему благой совет,
Того он другом назовет <...>» [9, с. 185–186].

Особо отмечается в оде тип эпохи, характер века и его вдохновители:

«Для нас течет Астреин век;
Что росс, то добрый человек.
Петр Первый был всему начало;
Но с Павлом Первым воссияло
В России счастье людей.
Вовек, вовек неразделимы,
Вовеки будут свято чтимы
Сии два имени царей!
Их церковь вместе величает,
Россия вместе прославляет;
Но ты еще дороже нам:
Петр был велик, ты мил сердцам» [9, с. 189].

Как видим, Екатерина II здесь не упоминается, а Павел противопоставляется ей как прямой потомок и продолжатель славных дел Петра I. Но вскоре новые реалии меняют и поэтическую риторiku Карамзина, и его политические приоритеты. Это видно по сборнику од [1], где среди прочих¹ напечатаны и карамзинские «Стихи Его Императорскому Величеству Александру Первому, самодержцу Всероссийскому, при восшествии на престол». После оды, написанной Карамзиным по случаю вступления Александра I на престол, последовал рифмованный опус по случаю его коронавания, и в обоих случаях высказано одобрение первым шагам Александра в управлении и изложена желательная программа царствования.

В первом он поведал: «<...> Как ангел божий ты сияешь / И благостью и красотой / И с первым словом обещаешь / Екатеринин век златой <...>» [9, с. 261]. В этом опусе автор уже принял к сведению и исполнению «Манифест» нового императора, обещавшего «управлять Богом нам врученный народ по законам и по сердцу в Бозе почивающей августейшей бабки нашей государыни импе-

¹ Ода Его Императорскому Величеству Александру Первому, во изъявление всеподданнейшей благодарности от Московского университета, удостоившегося получить высочайшее благоволение, с благоговением посвящает Университета куратор Павел Голенищев-Кутузов; Павел Голенищев-Кутузов. Всевожделенное восшествие на Всероссийский Императорский престол...; Харитон Чеботарев, проф. истории, нравоучения и красноречия. Настройте, музы восхищенны...; Алексей Мерзляков, бакалавр. Ода Его Императорскому Величеству Великому государю Александру Павловичу, самодержцу Всероссийскому, на всерадостное Его на престол вступление; М. Херасков. Его Императорскому Величеству, Александру Первому, самодержцу Всероссийскому; Владимир Измайлов. Песнь патриота Александру Первому.

ратрицы Екатерины Великия». Так что Екатерина II снова помещена в эпицентр событий, в ряд ключевых фигур «золотого века», и в оде «На торжественное коронование Его Императорского Величества Александра I» Карамзин сообщает: «Се храм бессмертия и славы! <...> Там – там сияют Антонины; / Там должен Александр сиять / Между Петра, Екатерины / И титло Мудрого приять / В залог бессмертия и славы!» [9, с. 269].

Но, учитывая новые акценты, Карамзин от стандартной верноподданнической поэзии переходит к ученой прозе, взявшись за ученое сочинение, дух и характер которого понятен из самого названия – «Историческое похвальное слово Екатерине Второй». И здесь будет уместным вспомнить и первого наставника Карамзина – Шадена, в свое время также отметившегося в этом жанре изъявления мыслей: «Panegyricus de Catharina Magna Legislatorum prima omnium, Legislationem suam, sapienti ac divino prorsus consilio, conscientiae, foro ei peculiari consecrato, directe inaedificanti» – «Похвальное слово о Екатерине Великой, первой из законодателей, премудро основавшей законодательство свое на Совестном Суде, ею учрежденному, 22-го апреля 1779 г.».

В первой части «Похвального слова» Карамзин пишет о военных успехах царствования Екатерины II, вторая и третья посвящены ее законодательным идеям, извлекаемым им из «Наказа»¹, где даны «самые лучшие основы для политического образования России». И потому мысли императрицы подобны «фаросу», способному «остерегать все монархии от политического кораблекрушения». И тот, кто не желает государству бедствий, должен «обновить внимание» и еще раз перечитать «Наказ», для чего Карамзин и делает соответствующие выписки: «Империя близка к своему падению, как скоро повреждаются ее начальные основания; как скоро изменяется дух Правления, и вместо равенства законов, которые составляют душу его, люди захотят личного равенства, несогласного с духом законного повиновения; как скоро перестанут чтить Государя, начальников, старцев, родителей»; «Самодержавство разрушается, когда Государи думают, что им надобно изъявлять власть свою не следованием порядку вещей, а переменою оного, и когда они собственные мечты уважают более законов» и т.д., перемежая многочисленные цитаты восхвалениями императрицы.

Однако, учитывая отношение Карамзина к Екатерине II, становится понятно, что этот панегирик был составлен исключительно в адрес Александра I, выбравшего «достойный тип для подражания». При этом помимо панегирических задач – «похвалы Екатерине» и лести Александру – имелся и «педагогический умысел» – составить своего рода конспект политического наследия и указать в нем темы, достойные развития, а также проблемы, нуждающиеся в решении. Так что, хваля «Минерву на троне», Карамзин пытался выставить наиболее привлекательные моменты просвещенного самодержавия, достойные внимания юного правителя.

«Слово», написанное в 1801 году и через Д.П. Трощинского врученное Александру I, не осталось без внимания, и если за свои оды Карамзин получил от государя перстень, то за новый опус – табакерку, осыпанную бриллиантами. Примечательно, что устранившийся с престола Павел I был добит заговорщиками при помощи удара в висок золотой табакеркой... Ну а занявшему престол Александру ничего не оставалось, как взять за образец, хотя бы на время, систему управления империей Екатерины Великой.

Карамзин же тем временем предпринял новое дело, уповая на то, что диалог ученого мужа с императором будет непременно продолжен. Вернув Екатерину II на политический Олимп «золотого века», он все же помянул добрым словом и ее жертву – своего бывшего советника Новикова, описав в

¹ Наказ Екатерины II Комиссии о составлении проекта нового Уложения (1767).

«Вестнике Европы» (1802, № 9) в статье «О книжной торговле и любви ко чтению в России» его издательскую деятельность и управление «Московскими ведомостями»¹.

9 октября 1801 года в № 81 «Московских ведомостей» появилось объявление, доводившее до сведения читателей, что с января следующего года Карамзин намерен издавать журнал «Вестник Европы», который будет «извлечением из двенадцати лучших английских, французских и немецких журналов. Литература и политика составят две главных части его». Став одновременно издателем и главным автором, Карамзин за 1802 и 1803 годы издал сорок восемь книжек «Вестника Европы», выдавая каждые две недели по номеру. Его политическая позиция была обозначена уже в самом начале, в виде публикации «Письма к издателю» (автором был сам Карамзин), где выражалась надежда, что «вся Европа, наскучив беспорядками и кровопролитием, заключает мир, который, по всем вероятностям, будет тверд и продолжителен».

Опубликованное в первом номере «Всеобщее обозрение» выражало его восприятие и оценку текущих дел: «Франция, несмотря на имя республики, есть теперь в самом деле ничто иное, как истинная монархия», – и в этом контексте трактуется деятельность первого консула, сочетающего «действия геройства и разума», внешняя политика и внутреннее правление которого достойны удивления [3]. Так что если читателем этого номера оказался бы Александр I, то он должен был извлечь, с подачи Карамзина, тот урок, что если Екатерина II является эталоном прошлого империи, то в настоящем объектом, достойным внимания сторонника просвещенной монархии, является не кто иной, как первый консул Бонапарт.

Особо импонирует Карамзину стремление первого консула выбирать сотрудников, руководствуясь практическими соображениями их пригодности: «Бонапарте... не ищет союза той или другой партии, но ставит себя выше их и выбирает только способных людей, предпочитая иногда бывшего дворянина и Роялиста искреннему Республиканцу, иногда Республиканца Роялисту» [8]. При этом именно абсолютная власть в руках первого консула позволяет ему возвышаться над эгоизмом отдельных волей частных лиц и политических деятелей, выступать в роли примирителя, и если в консульском совете ему и противоречат, то он слушает, доказывает и делает по-своему, когда уверен в своей правоте, и желая блага не только французам, но и всему человечеству.

Также стоит отметить второй номер журнала за 1802 год, где было опубликовано «Письмо из Соединенных Американских Областей», в котором дается портрет президента Джефферсона – идеального главы государства: «Наше отечество представляет теперь редкий феномен в истории народов: феномен правления, обращенного единственно к общему, верховному благу. Мы обязаны тем Джефферсону (президенту конгресса), верному исполнителю законов. Он все важные должности поручает людям, удостоенным общего почтения; людям, которых способность изведена опытом в низших должностях, и которые в республиканском патриотизме своем никогда не искали личных для себя выгод. Сей философ, известный в Европе своими творениями о земледелии и ботанике, знает столь же хорошо и человеческое сердце, умея избирать в орудие государственного блага не хитрых, а добрых; ибо он уверен, что разум и самые истинные таланты должны быть удаляемы от правления, как скоро они не соединены с хорошей нравственностью и с душой твердой. Потому все его выборы заслужили одобрение граждан, хотя аристократические газеты злословили насчет некоторых» [11].

¹ «Господин Новиков был в Москве главным распространителем книжной торговли» [5].

Эти и другие политические зарисовки достойных правителей, идеальных черт руководителей стран и народов делались не только для освещения происходящего за пределами России, но и для привлечения внимания молодого императора, ищущего свой стиль в устоявшейся системе правления, с учетом тех изменений, которые произошли в Старом и Новом Свете. И вскоре удачная рефлексия прошлого и избирательная внимательность к политической сфере современности принесли свои результаты.

Тем временем ведутся работы по составлению Устава Московского университета, согласно которому готовится учреждение четырех отделений, и среди кафедр отделения нравственных и политических наук предполагалась кафедра «права естественного, политического и народного». Чуть ранее из Дерпта в университет прибыл Х. Шлецер, чтобы занять в Москве должность ординарного профессора по естественному праву и политике. С 1801 по 1803 год он преподавал всеобщую историю, право, политику и этику, издав, среди прочего, на латинском языке, учебное пособие «Начальные основания политических наук» (1802). В 1803/1804 учебном году Шлецер прочел курс публичных лекций по истории Западной Европы в средние века, на которые обратил внимание и Карамзин [6]. И сделано это было не столько с целью набрать материал для журнала, сколько для вхождения в новый вид деятельности. 31 октября 1803 года последовал «именной Его Императорского Величества указ Кабинету»: «Как известный писатель, Московского университета почетный член Николай Карамзин изъявил Нам желание посвятить труды свои сочинению полной Истории отечества нашего, то Мы, желая ободрить его в столь похвальном предприятии, Всемилостивейше повелеваем производить ему, в качестве Историографа, по две тысячи рублей ежегодного пенсионна из Кабинета Нашего».

После этого Карамзин обратился печатно с прощальным словом к читателям «Вестника Европы» и взялся за наставления монарха посредством такого вида деятельности, как составление истории Отечества. В 1805 году закончен первый том истории, в 1806-м – работа над вторым, в 1808-м завершен третий.

В конце 1809 года Карамзин представлен великой княгине Екатерине Павловне, сестре императора, проживающей по месту службы мужа, принца Георга Ольденбургского, в Твери, и вскоре историк приглашен в гости. В феврале следующего года он шесть дней проводит в Твери, где по вечерам читает главы из своего труда. Второй раз Карамзин посетил Тверь в начале декабря, и на этот раз чтение «Истории» перемежаются разговорами об особенностях развития Отечества. Карамзин изумляет хозяйку взглядами на современные события как логически обусловленные деяниями в прошлом, и она предлагает ему изложить соображения на эту тему в письменном виде, чтобы представить их императору, который намеревался посетить Тверь весной следующего года. Ввернувшись в Москву, Карамзин принимается за сочинение, для которого уже найдено название, – «Россия в ее гражданском и политическом отношениях».

Рассудительность Карамзина, основанная на его исторических изысканиях, выборочное внимание к настоящему, подчеркивающее величие прошлого и перспективы будущего, расположили к себе высокопоставленных особ. Екатерина Павловна предложила ему занять должность тверского губернатора, Александр I намеревался назначить Карамзина министром народного просвещения, однако из-за слишком малого чина ему предложили в итоге место попечителя Московского университета. Впрочем, от всех предложений, касающихся практической деятельности, Карамзин отказался, удовлетворившись чином историографа и орденом Св. равноапостольного князя Владимира тре-

твѣй степени, врученным в июле 1810 года за «отличные познания и усердие к распространению Российских изящных письмен и Словесности», а более всего за труды, «употребляемые в изысканиях и составлении отечественной нашей Истории».

Однако далеко не все соотечественники были хорошего мнения о трудах Карамзина, и идею, проводимую им в сочинении, толковали в ином свете. Например, новый попечитель Московского университета П.И. Голенищев-Кутузов, который еще в 1790-х годах участвовал в масонской кампании по дискредитации Карамзина, извещал в августе 1810 года нового министра просвещения А.К. Разумовского, что, «ревнуя о едином благе, стремясь к единой цели», не может он «равнодушно глядеть на распространяющееся у нас уважение к сочинениям г. Карамзина», поскольку они «исполнены вольнодумческого и якобинского яда». Также его встревожило, что «последователи и одобрители» историка еще выше подняли голову, поскольку его сочинения «одобрены пожалованием ему ордена и рескриптом, его сопровождавшим», при этом император не знает, какой «гибельный яд в сочинениях кроется», поскольку автор проповедует безбожие и безначалие, так что не орден ему надо дать, а запереть в крепости, не хвалить сочинения, а сжечь. Так что, полагает попечитель Московского университета, министру просвещения необходимо срочно «открыть государю глаза и показать Карамзина во всей его гнусной наготе, яко врага Божия и врага всякого блага и яко орудие тьмы» [10, с. 491].

Тем временем Екатерина Павловна несколько раз напомнила Карамзину, что с нетерпением ждет «Россию в ее гражданском и политическом отношении». В начале февраля 1811 года Карамзин привез обещанный труд в Тверь, и его чтение продолжалось несколько дней, то и дело прерываемое вопросами. Далее оставалось ждать, когда сочинение дойдет до главного читателя, основного адресата. И вот вскоре получено письмо (18 февраля) с известием о том, что Александр решил ехать в Тверь, и Екатерина Павловна сразу же уведомила историка о планах императора. Карамзин с великой княгиней приехал в Тверь раньше Александра, и в дни ожидания разговор то и дело возвращался к сочинению. Карамзин был представлен 16 марта, после чего состоялся разговор об историческом обществе и о прочих ученых предметах. Относительно же своего сочинения Карамзин мог пока лишь сообщить И.И. Дмитриеву, что желает, «чтобы государь выехал отсюда с благоприятным ко мне расположением» [7, с. 140].

На следующий день после отъезда царя Карамзин отправляет Дмитриеву еще одно письмо, где перечисляет свои достижения: «Вчера мы в последний раз имели счастье обедать с государем, он уехал ночью. Сверх четырех обедов я с женою был два раза у него во внутренних комнатах, а в третий при великой княгине и принце читал ему свою «Историю» долее двух часов, после чего говорил с ним немало – и о чем же? О самодержавии!! Я не имел счастья быть согласен с некоторыми его мыслями, но искренно удивлялся его разуму и скромному красноречию. Сердце мое всегда влеклось к нему, ибо угадывало и чувствовало доброту сего редкого монарха: теперь люблю, уважаю его по внутреннему удостоверению в красоте его души. Дай Бог, чтобы он был счастлив счастьем России, вот первое желание моего сердца, привязанного к нему и к отечеству!» [7, с. 140–141].

«Историю» Карамзина – из пятого тома о Дмитрие Донском и Куликовской битве – государь слушал с «вниманием и удовольствием», до полуночи, после чего, прощаясь с автором перед сном, вторично звал его в Петербург. После этой теплой встречи Екатерина Павловна и сочла наиболее подходящим, чтобы вручить брату «Записку о древней и новой России». На следующее утро Карамзин и Екатерина Павловна с волнением ожидали результата. Но на другой день Ка-

Карамзин с удивлением заметил, что государь был совершенно холоден к нему и, прощаясь со всеми, взглянул на него издали равнодушно. И вплоть до 1816 года Карамзин не получал более ни одного «знака императорской милости»¹.

Работа над «Историей государства Российского» продолжилась, и в начале февраля 1816 года Карамзин приехал в столицу хлопотать об издании первых восьми томов. Примерно в то же время в Петербурге создается тайное политическое общество – «Союз спасения», на следующий год переименованное в «Общество истинных и верных сынов Отечества», члены которого решили изменить ход истории, чтобы ввести в России представительное правление. 29 октября 1816 года Н.И. Тургенев, недавно вернувшийся из Европы в Россию, сообщал брату Сергею, занимавшему дипломатический пост в Константинополе, что не увидел в Отечестве ни одного человека, с которым бы можно мне было говорить о любимой им «материи» – либерализме, которого ни в ком не обнаруживает, и даже брат его, Александр Иванович, «пустился в обскурантизм» и сделался «гасильником»², а «хваленый их Карамзин» кажется умным человеком только до тех пор, пока говорит о русской истории, но когда переходит на политику, то также оказывается «гасильником» [13, с. 200].

12 ноября того же года Тургенев записывал в дневнике, что вчера был при заседании «Арзамаса» и после заседания говорил с Карамзиным, Блудовым и другими о положении России и обо всем том, о чем он рассуждает «всего охотнее»: «Они говорят, что любят то же, что и я люблю. Но я этой любви не верю. Что любишь, того и желать надобно. Они же желают цели, но не желают средств. Все отлагают – на время; но время, как я уже давно заметил, принося с собою доброе, приносит вместе и злое» [14, с. 7]. Чуть позже Тургенев сообщает тому же адресату, что начала печататься «История» Карамзина, который «думает и доказывает, что Россия стояла и возвеличилась деспотизмом, что здесь называют самодержавием, и, доказывая сие, заключает... что самодержавие одно только и может сохранить величие России» [13, с. 203–204]. «История государства Российского» только печаталась, а Николай Тургенев начал высказывать опасения относительно политического направления этого труда. 30 ноября 1816 года он пишет брату Сергею, что многие ее очень хвалят, но он лично, хотя ничего еще и не прочитал, однако «посмотрев на Карамзина», думает, что «мы будем лучше знать факта русской истории, но не надеюсь, чтобы сие важное для России творение распространило у нас либеральные идеи; боюсь даже противного» [13, с. 203].

Таким образом он изложил кредо либерала-радикала: научная деятельность должна быть частью пропаганды, причем исключительно контрконсервативного характера. Брат думал в том же роде, озаботившись привлечением даровитых людей в стан либерализма. Так, С.И. Тургенев сообщал В.А. Жуков-

¹ «Записку» император увез с собой, и при его жизни о ее существовании никто не знал. Обнаружили ее лишь в 1836 году при разборе бумаг А.А. Аракчеева, умершего в 1834 году. На заседании Российской академии 18 января 1836 года, где присутствовал принц Петр Ольденбургский – сын Екатерины Павловны, адмирал А.С. Шишков упомянул о пребывании Карамзина в Твери в 1811 году и о его «Записке». Пушкин решил воспользоваться первым публичным заявлением об этом документе и напечатать его в «Современнике», но цензура не пропустила.

² Термин, введенный в употребление парижской газетой «Nain Jaune», где в номере от 5 января 1815 года были напечатаны «Органические статуты ордена «Гасильник»», а в номере от 15 февраля – протокол заседания, где впервые употреблен значок, обозначающий членов ордена «Гасильник». С этого времени термин «гасильник» стал среди либеральной общественности нарицательным как название реакционеров, невежд, «гасивших» свет просвещения.

скому, что чем более он читает произведения русской словесности, тем более обожает его музу, которую Жуковскому не следует баловать: «Помните, что талант ваш не весь вам принадлежит, но и отечеству. Употребляйте его не только для себя, но и к просвещению России. – Грешно другим писателям не употреблять его совсем в противную сторону – я укоряю в этом и Карамзина. Зачем не оставить Пеззаварию¹ и подобным проповедывать мрак, деспотизм (по-русски самодержавие) и рабство? – Как бы приятно было видеть все дарования на стороне либеральных идей... все невежество, всю скуку, всю глупость на стороне противной. Пишите же в пользу либеральности. Нельзя образовать ум лучше, как восхищая вместе дух, а кто читает спокойно стихи ваши, того нам и не надобно» [13, с. 485].

В январе 1818 был образован «Союз благоденствия», где «наружно» провозглашалось нравственное воспитание и просвещение народа, помощь правительству в благих начинаниях и смягчение участи крепостных, а «внутренней», скрытой целью, известной лишь членам «Коренной управы», было установление конституционного правления. А чуть ранее, 11 сентября 1818 года, Карамзин писал И.И. Дмитриеву: «Не требую ни конституции, ни представителей, но по чувствам останусь республиканцем, и притом верным подданным царя русского: вот противоречие, но только мнимое!» [7, с. 249]. И истоки такого толкование «республиканизма», как истинного монархизма, можно обнаружить уже во «Всеобщем обозрении» из первого номера «Вестника Европы», где извещалось, что Франция, «несмотря на имя республики, есть теперь в самом деле ничто иное, как истинная монархия» [3].

Карамзин позиционирует себя республиканцем на своеобразный манер, совершенно неприемлемый представителями либерального стана. А.С. Пушкин в одном из сохранившихся фрагментов записок, сожженных им при получении известия о восстании 14 декабря 1825 года, сообщал о Карамзине: «Кстати, замечательная черта. Однажды начал он при мне излагать свои любимые парадоксы. Оспаривая его, я сказал: “Итак, вы рабство предпочитаете свободе”. Карамзин вспыхнул и назвал меня своим клеветником. Я замолчал, уважая самый гнев прекрасной души. Разговор переменялся» [12, с. 278]. И далее он сообщал, что «молодые якобинцы» негодовали, обнаружив у Карамзина «несколько отдельных размышлений в пользу самодержавия, красноречиво опровергнутых верным рассказом событий», и это казалось им «верхом варварства и унижения». Но Пушкин напоминает, что они почему-то забыли, что Карамзин печатал «Историю» в России и что государь, освободив его от цензуры, «этим знаком доверенности некоторым образом налагал на Карамзина обязанность всевозможной скромности и умеренности», при этом автор рассказывал о прошлом «со всею верностию историка, он везде ссылался на источники – чего же более требовать было от него?», и потому «История Государства Российского» является «не только созданием великого писателя, но и подвигом честного человека» [12, с. 278–279].

Таким образом, «случай с Карамзиным» представил нам показательный пример политики, когда частное лицо публично рассуждает о государстве и власти. И этот пример интересен тем, что Карамзин как историограф, ученый, состоящий на службе, уповает на превращение политики в публичную сферу, где соединяются власть и интеллект. Обращаясь к истории, он предполагает тем самым обучать власть и заложить основы «умной политики». Для Карамзина настоящее – монархия и прочие сопутствующие ей институции – закономерный результат, естественное следствие прошлого, и потому

¹ С.И. Тургенев имел в виду журналиста Павла Павловича Пезаровиуса, основателя и первого редактора военной благотворительной газеты «Русский инвалид».

за ними и будущее, в то время как для его оппонентов настоящее России – недоразумение, итог неудачного прошлого. Только вот историю они знали плохо, толковали о ней по пересказам, настоящее презирали и жили в воображаемом будущем.

Палитра политических оппонентов Карамзина представлена в его «Мыслях об истинной свободе» (1826): «аристократы, демократы, либералисты, сервиллисты». Сервиллисты хотят старого порядка: ибо он для них выгоден, а демократы, либералисты – беспорядка, ибо надеются им воспользоваться для своих личных выгод¹. Впрочем, любая полемика страдает избирательностью «оптики», и потому не следует полагать, что Карамзин встал над схваткой, выйдя из нее победителем. Конечно, сам Карамзин предложил именно подобный исход², но для нас важнее иной сюжет – его попытка войти в сферу политики, понимаемой им как служение власти посредством вовлечения ее в систематическое научное толкование настоящего посредством доступных гражданину средств, от журналистики до историографии. Император же, как основной объект Карамзина-политика, приобщенный при восшествии на престол «даров Святого Духа», к наставлениям ученых эпизодически прислушивается, однако не принимая их в основание своей деятельности. Так что усилия Карамзина воспринимались их свидетелями скорее как пропаганда монархии посредством истории. И подобный исход не первый, и не последний.

«История» Карамзина устарела, но убеждение о возможности умной политики, о «государе, внимающем ученым», живо и по сей день. И потому будут появляться в гуманитарной сфере труды, этим убеждением мотивированные, оригинальные, но станет ли политика разумной, основанной на чистой рациональности? Опыт Карамзина показал, что прагматизм политики совсем не исключает ее иррациональности, и «исправление» политика, наставление его на путь истины посредством науки – дело проигрышное, однако для самой науки – полезное.

¹ Впервые опубликовано в [4, с. 194–195].

² Свои «Мысли» он завершает следующим пассажем: «Для существа нравственного нет блага без свободы; но эту свободу дает не Государь, не Парламент, а каждый из нас самому себе с помощью Божиею. Свободу мы должны завоевать в своем сердце миром совести и доверенностию к Провидению!».

Литература

1. Всерадостный глас благодарения московских муз Вседержавному монарху россов Александру Первому, торжественно произнесенный апреля 14 дня, за изъявленное Его Императорским Величеством всемилостивейшее к ним благоволение в высочайших к начальникам Московского университета рескриптах от 4 апреля сего 1801 года. М.: Университетская типография, 1801.
2. *Иоанн Дамаскин, прп.* Философские главы // Творения преподобного Иоанна Дамаскина: Источник знания. М., 2002. Гл. LXVI.
3. *Карамзин Н.М.* Всеобщее обозрение // Вестник Европы. 1802. № 1. С. 66–78; Переизд.: *Карамзин Н.М.* Избр. соч.: в 2 т. М.; Л.: Художественная литература, 1964. Т. 2.
4. [*Карамзин Н.М.*] Неизданные сочинения и переписка Николая Михайловича Карамзина. СПб., 1862. Ч. 1.
5. *Карамзин Н.М.* О книжной торговле и любви к чтению в России // *Карамзин Н.М.* Избр. соч.: в 2 т. М.; Л.: Художественная литература, 1964. Т. 2. С. 176–180.
6. *Карамзин Н.М.* О публичном преподавании в Московском университете // Вестник Европы. 1803. № 24.
7. [*Карамзин Н.М.*] Письма Н.М. Карамзина к И.И. Дмитриеву: к письмам приложены снимки почерка и портрет Карамзина: [ко дню столетней годовщины рождения Н.М. Карамзина] / По поручению Отделения русского языка и словесности Императорской Академии наук издали с примечаниями и указателем Я. Грот и П. Пекарский. СПб.: Издание II-го Отделения Императорской Академии наук, 1866.
8. *Карамзин Н.М.* Письмо из Парижа // Вестник Европы. 1802. № 9. С. 66.
9. *Карамзин Н.М.* Стихотворения. Л.: Советский писатель, 1966.
10. Карамзин: Pro et Contra. Личность и творчество Н.М. Карамзина в оценке русских писателей, критиков, исследователей: Антология / Сост. Л.А. Сапченко. СПб., 2006.
11. Письмо из Соединенных Американских Областей // Вестник Европы. 1802. № 2. С. 75–77.
12. *Пушкин А.С.* Карамзин // *Пушкин А.С.* Собр. соч.: в 10 т. М.: Государственное издательство художественной литературы, 1962. Т. 7.
13. [*Тургенев Н.И.*] Декабрист Н.И. Тургенев. Письма к брату С.И. Тургеневу. М.; Л.: Изд. Академии наук СССР, 1936.
14. [*Тургенев Н.И.*] Дневники Николая Ивановича Тургенева за 1811–1816 годы. СПб., 1913. Т. III.

Аннотация. В статье дан обзор и анализ политической составляющей жизни и творчества Н.М. Карамзина. Историограф показан в разные этапы его деятельности, для которой характерны установки на возможность опосредованного влияния на высшую власть, и наиболее приемлемым и удобным инструментом воспринимается наука, в частности, история.

Ключевые слова: власть, история, политика, просвещение, монархия, самодержавие, парламент, республика, идеология, пропаганда, полемика, консерватизм, либерализм, журналистика.

Vasily Vanchugov, Ph.D. in Philosophy; Professor, Department of History of Russian Philosophy, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University; Deputy Editor-in-Chief, "Russian Idea" Portal (politconservatism.ru). E-mail: vanchugov@gmail.com

Political Aspects In the Work of N.M. Karamzin

Abstract. The article presents and overview and analysis of the political components in the life and work of N.M. Karamzin. The historiographer is shown at various stages of his creative work aiming at the possibility of indirectly influencing the power elite, and considering science, and in particular history, the most acceptable and easy-to-use instrument to this effect.

Keywords: Authority, History, Politics, Enlightenment, Monarchy, Autocracy, Parliament, Republic, Ideology, Propaganda, Polemics, Conservatism, Liberalism, Journalism.